

А. Н. КЕЛЬЧЕВСКИЙ,
Генеральный консул Франции в Санкт-Петербурге

КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Опыт жизни русской эмиграции за границей позволяет, как мне кажется, более конкретно и точно ответить на вопрос, что означает русская культура.

Для моего поколения, родившегося во Франции и имевшего родителей, которые сами не знали России, в процессе адаптации к французскому обществу возникали совершенно конкретные вопросы:

— Первый простейший вопрос: мы русские или французы? Ребенку непонятны эти административные тонкости. Что касается меня, я очень долго не знал, что в **административном отношении** я был французом, хотя воспитание, полученное дома, язык, на котором говорили в семье, и вся моя система ценностей полностью связывали меня с русской культурой. Вместе с тем, в школе я не чувствовал своего отличия от товарищей по классу. До того дня, примерно в возрасте 9–10 лет, когда наш класс должен был посетить какое-то — я уже не помню какое — учреждение, куда иностранцам был ограничен вход, уж я не знаю на каком основании. Учитель спросил, все ли здесь французы, и я ответил, что нет, я русский. И тогда меня отделили от моих товарищей и лишили экскурсии.

— Второй круг вопросов касается нашей адаптации к французскому обществу. В мою эпоху русская эмиграция Парижа уже не обсуждала тему так называемого «мифа о возвращении в Россию». Но наши бабушки и дедушки все еще продолжали, как говорится, жить на чемоданах. Для поколения наших родителей проблема ассимиляции их детей во французском обществе осталась неразрешенной. Каждый решал ее по-своему. Одни отка-

зывались от своей русской самобытности и пытались полностью жить на французский лад, отдаляясь от остальных эмигрантов. Другие, напротив, замкнулись на общении с русской диаспорой. Но большинство попробовало найти срединный путь между сохранением культурного и духовного наследия своих родителей и открытым подходом к французскому обществу. Это был путь ассимиляции во французском обществе без отказа от своей культурной самобытности, благодаря которому многие из нас смогли найти свое достойное место во французском обществе.

— Третий круг вопросов относился к России. Всё наше домашнее воспитание связывало нас с этой страной. Но речь шла о некоей мифической стране, существовавшей до революции, стране, которой больше не было. Советский Союз — страна, занявшая ее место, — описывался нам в самых черных красках. И вот язык и культуру именно этой страны наши родители просили нас учить и любить — тяжело решаемое противоречие. Поэтому ясно, что крушение советского строя и появление новой России были нами приняты, как освобождение. Наконец-то два противоречивых образа, которые были у нас в сознании, наложились один на другой. Наконец-то мы смогли связать наш язык и нашу культуру с реальной страной — со страной, которая больше не вызывала чувство неприятия или страха, которая вновь обратилась к своим корням.

На какие размышления наводит меня мой опыт русского детства, проведенного в эмиграции во Франции?

Во-первых, и это может показаться парадоксальным, я считаю, что именно наша при-

вязанность к русской культуре и стремление сохранить наши культурные ценности помогли большинству из нас ассимилироваться во французском обществе, а отнюдь не препятствовали этому процессу.

Таким образом, внимание к сохранению русского языка кажется мне одним из главных уроков, извлеченных из этого опыта. Именно будучи за границей, понимаешь, что значит язык. Это было тем более заметно на фоне того, как Франция по-особенному относится к своему собственному языку.

Мой опыт также укрепил меня в моем недоверии по отношению к любым проявлениям национализма, когда отвергают или превозносят значимость тех или иных культурных ценностей. Напротив, наша жизнь во французском обществе показала нам, что культура только выигрывает, если она открыта для других культур, открыта для взаимопроникновения, и что только таким может быть путь развития и духовного обогащения. Я целиком разделяю мнение режиссера Эльдара Рязанова, высказанное им в прошлом году на наших чтениях. Он говорил следующее: «Когда говорят, что для России существует единственный и неповторимый путь, я сомневаюсь. Это спесивая позиция. Почему мы должны прокладывать собственную дорогу, идти в стороне от цивилизации?» Действительно, культура не может быть чем-то застывшим,

абстрактным, отдельным от людей. Она разнообразна и жизненна. Она нуждается в обменах и взаимодействии с другими. В этом смысле спор между славянофилами и западниками противопоставляет, по-моему, не защитников некоей культурной подлинности и рабских подражателей Западу, а две разные концепции культуры — застывшую и открытую для взаимодействия.

И наконец, последняя часть моего выступления касается знакомства уже в зрелом возрасте с Советским Союзом, а потом с новой Россией и ее преобразованиями. Я пришел к выводу, что русскую культуру — это обязательно верно для всех культур — следует понимать в широком смысле, то есть включая духовную сферу в общем и религиозную в частности. Здесь речь идет не о вере, которая зависит от убеждений и личной жизни каждого, а о религиозной культуре, которая уже сама по себе является необходимым знанием для любого образованного человека и которая, в моем представлении, является важнейшей составляющей самобытности русской культуры, по крайней мере для нашего времени и для обозримого будущего.

Таким образом, мой опыт, мой жизненный путь приводит меня к заключению, что только полностью вписываясь в традиции и историю России, можно определить подлинные пути ее преобразования.